

18+

Виталий Великоиваненко

*Исповедь
советского
человека*

Повесть

Виталий Великоиваненко

**Исповедь советского
человека. Повесть**

«Издательские решения»

Великоиваненко В.

Исповедь советского человека. Повесть / В. Великоиваненко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560185-8

Исповедь советского человека — повесть, навеянная многочисленными видениями в период клинической смерти, произошедшей в 2008 году. Являясь врачом, материалистом и атеистом, свои видения интерпретировал, как результат угасания функций мозга. Переживания, рассказы, перенесших это состояние считал фантазиями и домыслами. Виденное мной, что это? Галлюцинации, предостережение, предсказание или какой то сигнал миллионы лет эволюционировавшего человеческого мозга, посланный в критический момент?

ISBN 978-5-00-560185-8

© Великоиваненко В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Клиническая смерть	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	10
Глава 6	11
Глава 7	12
Часть вторая. Возвращение, или о чём не дано узнать	13
Глава 1	13
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	25
Часть третья. Дуновение ушедшего времени	27
Глава 1	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Исповедь советского человека

Повесть

Виталий Великоиваненко

Редактор Вера Борисовна Лисицина

*Руководитель издательско-полиграфического центра Новосибирского Государственного
медицинского университета* Вера Гавриловна Кузнецова

Корректор Татьяна Валерьевна Соболева

© Виталий Великоиваненко, 2022

ISBN 978-5-0056-0185-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Оказывается, мы способны
вынести ровно столько,
сколько взваливает на нас жизнь...*

Б. С. Алякринский.

Часть первая. Клиническая смерть

Глава 1

Недавно я отпраздновал свой третий день рождения, мой, как я считаю, необычный юбилей. Вероятно, очень мало людей, которые могут праздновать такие юбилеи. Чтобы не мучить загадками, сразу же поясню. Первый день рождения – время моего появления на свет, второй – в 13 лет, когда после клинической смерти чудом остался жив и это предопределило мой дальнейший жизненный путь. Третий – чудесное воскрешение после второй клинической смерти, произошедшей в 2008 г., я тогда уже долго работал в анестезиологии и реаниматологии.

На тему жизни и смерти можно рассуждать бесконечно долго и с самых разных позиций: научных, философских, религиозных, мифологических и житейских.

На протяжении тысячелетий всё человечество и каждого человека в отдельности на том или ином отрезке времени занимали вопросы жизни и смерти, души и тела. Над этими вопросами мучились философы, религиозные деятели, художники, поэты. И любого из живущих посещала мысль – что будет со мной после смерти? В разных цивилизациях и в разные эпохи, независимо от религиозного мировоззрения, человек оставлял для себя тайную надежду, мысль о бессмертии, об удивительных приключениях и испытаниях, выпадающих на душу, покинувшую тело. Мифология, религия, мастера слова и кинематографа очень ярко и красочно рассказывают о том, что уготовано нам мирозданием. Одни учёные и исследователи на основании бесчисленных свидетельств перенёсших клиническую смерть доказывают существование души, другие опровергают, объясняя возникающие образы и видения угасанием функции головного мозга, изменением метаболизма, электрической активности, возбуждением тех или иных участков мозга, переходом на другой уровень регуляции. Интерес к этому вопросу не угасал с момента появления человечества. Об этом много написано, рассказано. Мыслями, размышлениями и свидетельствами пестрит интернет, доказывая, что и в наш информационный век человек по-прежнему, несмотря на все достижения науки, верит в бессмертие и боится забвения.

После второй клинической смерти произошли существенные изменения в моих взглядах на окружающий мир, и я хочу рассказать максимально объективно, что со мной произошло.

Первая клиническая смерть произошла в результате передозировки астмопента, вызвавшего фибрилляцию желудочков и первичную остановку сердечной деятельности. После реанимационных мероприятий врачи и родственники были ошеломлены моей реакцией на спасение: я сожалел, что меня спасли. В момент клинической смерти я летел по светлому тоннелю, испытывая невероятное счастье, приближаясь к яркому свету, исходившему из конца тоннеля. Впрочем, что-то подобное описывают вернувшиеся счастливыцы в литературе, интернете, учёные, проводившие опросы лиц, перенёсших данное состояние.

Вторая клиническая смерть произошла от тотального бронхоспазма, приведшего к вторичной остановке сердечной деятельности. Прогноз второго успешного возвращения, согласно данным американских специалистов и исследователей, – 5 лет, а что касается более поздних сроков – стремится к нулю. Хочу подробно рассказать о второй клинической смерти, мною виденном, врезавшемся в мою память навсегда, записанном через полгода после этого происшествия и вынесенном через много лет на ваше суждение, так как не удаётся найти ответы на возникшие вопросы с научной точки зрения. Лишь маленькая часть пережитого отразилась в событиях, начиная с 2014 г., и я максимально достоверно расскажу о виденном мною. Вот как всё это было...

Глава 2

Прошедший месяц был весьма напряжённым. Десять суточных дежурств в реанимации, работа в частной клинике, дежурства по оказанию экстренной эндоскопической помощи на дому.

Подобный режим работы на протяжении уже многих лет характерен для всего врачебного сообщества нашего государства, шагнувшего от развитого социализма в феодально-рабовладельческий строй, с практически ненормированным рабочим днём и «потребительской корзиной», рассчитанной на удовлетворение только физических потребностей. После работы, ближе к вечеру, отправился в гараж, дабы навести порядок. Огню был предан всякий хлам, копившийся в течение многих лет. Языки пламени жадно поглощали принесённые в жертву вещи. И вот настал черёд пуховой перины, служившей для накрывания лаза в подполье зимой, доставшейся в наследство от умершей бабки жены, и грехов в ней, видимо, было немерено.

– Не жги её, выбрось на свалку, – сказала жена, помогавшая наводить порядок, как будто предчувствуя что-то неладное.

Огонь нехотя коснулся своей последней добычи. Густой серовато-чёрный дым тяжело, как бы нехотя, начал подниматься к небу. Порыв ветра злобно рванул это облако в сторону, накрыв меня. Неведомая сила крепко стиснула мою грудь, не давая вздохнуть. Это был необычный приступ бронхиальной астмы, сопровождавшей меня с детства и к которой я привык. В мыслях мелькнуло: «Всё, это конец». Пытаясь снять удушье, вдохнул несколько доз беротека, обычно снимающих или облегчающих удушье, но безрезультатно. Едва дыша и понимая, что умираю, с трудом выдавил из себя:

– Нужно в реанимацию.

– Я вызову скорую помощь, – взволнованно ответила жена.

– Уже не успеет.

Жена, понимая всю трагичность ситуации, обратилась за помощью к соседу по гаражу, собиравшемуся куда-то ехать. «Тойота» остановилась возле меня, едва стоявшего на ногах...

Забрался на заднее сиденье. С невероятным усилием сделал выдох, а вдохнуть уже не мог.

«Всё, – мелькнуло в голове, – а дальше темнота...»

Глава 3

Темнота...

И вот я оказываюсь перед галереей коридоров. Первый тоннель мерцал мягким светом, три, находившиеся справа, терялись в сумраке. Мною овладели беспокойство и досада: «Я что, умер? Но мне всего 44 года. У меня двое детей. Я должен их воспитать. Я мог бы спасти ещё много людей», – проговорил, обращаясь в неизвестность.

Зловещая тишина...

«По какому коридору мне идти?» – с волнением, осознавая неизбежность, вновь обратился в никуда.

Раздался короткий саркастический смех: «Иди по светлому».

И вот, лишённый телесной оболочки, лечу по тоннелю навстречу постепенно усиливающемуся свету...

Оказываюсь перед довольно большой площадкой серого цвета, непостижимым образом висящей над мрачно-голубоватой бездной.

На краю плиты, опустив ноги в пустоту, сидит некто, по очертаниям напоминающий человека, в тёмно-сером плаще с капюшоном на голове. Лица разглядеть невозможно, так как вижу его со спины.

Понимаю, что моё появление и присутствие не является тайной. Не поворачиваясь, неизвестный спрашивает:

– Хочешь послушать музыку?

– Да.

Оказываюсь на большой концертной площадке. Передо мной Моцарт, Бетховен, Шопен, Бах и десятки других великих композиторов. Все в чёрных сюртуках, фраках, костюмах и белых рубашках. Одни сидят за фортепьяно, другие прогуливаются со скрипками в руках, о чём-то беседуя. Появляется дирижёр и взмахивает палочкой. Каждый начинает исполнять своё произведение. Вместо ожидаемого хаоса льётся необыкновенная музыка, исполненная невообразимой гармонии. Ощущаю величие момента и прикосновение к чему-то высшему. Душа наполняется радостью и умиротворением...

Глава 4

И вновь оказываюсь позади странной и таинственной фигуры, сидящей перед неизвестностью на краю бездны. Хочу увидеть его лицо, но, несмотря на все попытки, это не удаётся.

– Хочешь попутешествовать во времени?

– Да.

Оказываюсь за тысячи лет до нашей эры. В каких-то каменоломнях: не то Римская империя, не то Древний Египет. Рабы добывают камень. Лязгает плеть надсмотрщика и ложится на спины и плечи несчастных. Летаю по сложным многоярусным лабиринтам, освещённым тусклым огнём факелов. В одной из галерей вижу большую гору рубинов, сияющих волшебным алым цветом. Вид их завораживает и манит. Возникает непреодолимое искушение владеть ими, прикоснуться. Но душа может только созерцать и любоваться. Соблазну поддаётся один из надсмотрщиков. Все рубины переносит в тайник, находящийся здесь же, в каменоломне, а те, что так пленили меня, прячет в расщелине. Подлетаю к ним, ощущая необъяснимую значимость последних для меня. Их всего три или четыре, но наделены какой-то невероятной магической силой. Вновь начинаю блуждать по лабиринтам. Спустившись на самый нижний ярус, вижу сотни ступенек, ведущих к бронзовым воротам, слабо освещаемым мерцанием факелов. Непреодолимое любопытство заставляет проскользнуть через приоткрытые створки ворот. Оказываюсь в большом, тускло освещённом зале, разделенном на два тоннеля. Гнетущая тишина. По мере продвижения по левому тоннелю становится всё мрачнее и темнее и появляется чувство страха, постепенно переходящее в леденящий ужас, заставляющий вернуться назад. Все попытки безуспешны. Нет никаких сил преодолеть всё это. Вхожу во второй лабиринт. Слышен какой-то не то шум, не то гул человеческих голосов. Вижу бегущих в страхе нескольких рабов, которыми, по всей видимости, также овладело чувство необъяснимого любопытства и желания посмотреть, что там, но охвативший душу ужас оказался сильнее. Поддавшись общему страху, следую за ними. Многочисленные попытки удовлетворить любопытство неумолимо разбиваются о страх. Решаю прекратить все попытки...

Оказываюсь перед входом в каменоломни, расположенные в сероватых скалах. Позади и по сторонам, насколько хватает взора, желтовато-белый песок. Ярко светит солнце на голубом безоблачном небосклоне. В тени от скалы вижу знакомую фигуру, все так же в плаще с капюшоном, лицо по-прежнему скрыто. Перед ней на коленях стоит уже знакомый надсмотрщик и что-то пытается объяснить.

– Рабы украли мои сокровища и несколько особо ценных рубинов, – произносит он, явно обращаясь ко мне.

Кто он, обладающий такой властью над всеми? Царь или кто-то иной? Но мысль прерывают его слова:

– Рабы все будут жестоко наказаны.

– Они не виновны. Я покажу, где всё находится, – вырывается у меня.

Долгое пронзительное молчание...

Глава 5

– Попутешествуешь в пространстве? – обращается ко мне странный властитель.

– Да.

Окунаюсь в серовато-синюю бездну, так насторожившую и даже испугавшую меня вначале. Какой стремительный полет, в мыслях мелькает сравнение со скоростью света. Пространство, в котором происходит путешествие, наделено какими-то особыми свойствами – сопротивлением и плотностью. Откуда-то приходит мысль: «Это чёрная дыра, обладающая сильным гравитационным полем, под воздействием которого происходит формирование планет и других космических тел. Это же основы мироздания».

Заглядываю на попадающиеся по пути планеты. На многих идут сложные геологические процессы: лава, дым, какие-то странные дожди. Одна из планет холодная, каменная, серая. На следующей есть жизнь. Вижу скопление животных наподобие динозавров, стоящих у водоёма. Невдалеке извергается вулкан. Довольно светло, но что освещает планету, непонятно: привычного солнца нет. Чуть дальше встречаю множество погибших животных периода динозавров, лежащих в разных позах. Недалеко клубятся гейзеры. Удивительно, но пока не встречается растительность. Животные, наверное, погибли от голода. Пытаюсь увидеть другие формы жизни, может человека, но, несмотря на все старания, больше ничего увидеть не удалось...

Глава 6

Предстаю перед властителем в его странных апартаментах. Лицо по-прежнему скрыто.

– Посмотришь последнюю эпоху ушедшего тысячелетия?

Отвечаю утвердительно.

Как на ускоренной киноплёнке начинают мелькать кадры войн, насилия, нищеты, предательства, которыми был так полон прошедший век. Задерживаюсь чуть дольше в какой-то деревушке, оккупированной немецкими солдатами. Идёт жизнь, характерная для военного времени, со всеми своими особенностями и жестокостью. Вот стоит, покачиваясь, немецкий офицер, презрительно вглядывающийся в лица предателей и с малоскрываемым чувством уважения и восхищения – на униженный, но не раздавленный народ. И вот уже другой отрезок времени, где царят моральная и нравственная деградация, нищета, историческое забвение, человеконенавистничество и готовность убивать своих, близких по крови, духу.

Этап истории, непостижимый уму. Период общечеловеческого упадка. Увиденное не поддаётся ни анализу, ни осмыслению.

Не понимаю, зачем и для чего дано было мне это видеть. Вопросы, вопросы – без ответа и решений. Осталось крайне тягостное ощущение и жгучее желание каким-то образом всё это изменить и прекратить...

Глава 7

Нахожусь в каком-то космическом корабле, в его убранстве преобладает большое количество предметов из белесоватого металла наподобие алюминия и холодный спокойный свет, исходящий от множества люминесцентных ламп. В корабле находится несколько красивых молодых женщин, одетых как монашки из французских фильмов. Они хлопочут надо мною.

И вдруг справа от себя вижу лицо своей жены.

– Мы с тобой летим?..

– Куда? – на её усталом лице и радость, и недоумение.

И вот я в другой реальности. А ведь ещё секунды назад был в каком-то другом мире.

Рядом усталая и измученная ожиданиями и неизвестностью жена. Суевающийся медицинский персонал. Вижу своих коллег по работе. Себя на реанимационной койке. Слева от себя окно. Палата знакома, только теперь пациент здесь я. Начинаю напряжённо вспоминать, что произошло со мной.

– Мы попали в автодорожку? Наши дети живы? Никто не погиб? – сознание судорожно роется в памяти, боясь трагедии, которая неотступно следует за выбранной профессией врача вообще и анестезиолога-реаниматолога в частности.

– Все живы, аварии не было...

Бешено колотившееся сердце начинает успокаиваться: «Дети живы, жена рядом, никто не погиб». Начинаю вспоминать последние минуты... после чего я оказался на реанимационной койке.

Пытаюсь рассказать увиденное. Вглядываюсь в лица коллег и понимаю, что все мои откровения воспринимаются как минимум речевое растормаживание или психомоторное возбуждение. Как профессионал, я их понимаю: на данный момент мы оказались по разные стороны черты, называемой жизнью.

«Вернули душу в тело, только тело немного подпорчено. Вернули душу в тело... Кто?» – мелькнуло в голове.

Пытаюсь мысленно вернуться в космический корабль, чтобы найти ответы на возникшие вопросы, но безрезультатно. Словно чёрный занавес опустился. Как будто кто-то наложил табу...

Часть вторая. Возвращение, или о чём не дано узнать

Глава 1

По прошествии нескольких лет после случившегося со мной в памяти осталось следующее. После выхода из комы обнаружил, что у меня развилась диплопия – двоение в глазах и правосторонний гемипарез. Правая рука не слушалась, плохо держала ложку и пронесла её мимо рта; на пятках и затылке – пролежни, несмотря на уход и непродолжительный бессознательный период. По катетеру бежала мутная моча. В мочевом пузыре в месте соприкосновения с мочевым катетером произошёл некроз стенки, а затем образовалось около 50 камней. И вскоре я познакомился с жёстким цистоскопом и попытками удалить камни. Очень хорошо стал понимать женщин, роды и чувства, которые испытывает женщина на гинекологическом кресле. Восстанавливаться начал очень быстро, опровергая прогнозы приглашённых на консультацию профессоров и удивляя коллег. На четвёртые сутки нахождения в реанимации уже начал не только вставать, но и ходить по коридору, а на пятые ходить по лестничным пролётам, увеличивая нагрузки, благо реанимация была на пятом этаже. Улучив момент, когда все коллеги были заняты, зашёл в родную ординаторскую, уселся и стал изучать свою историю болезни. Из неё я узнал, что из гаража попутным транспортом был доставлен без признаков жизни: дыхание и сердцебиение отсутствовали, зрачки широкие, на свет не реагировали. Я имел крайне неблагоприятный вид: тело серо-синего цвета, в каких-то обносках. На заднем сиденье машины начались реанимационные мероприятия: интубация трахеи и искусственная вентиляция лёгких; в результате сердечно-лёгочной реанимации было использовано 50 ампул адреналина, и больничным двор, как потом рассказывали, был забросан пустыми ампулами. Моё тело катили без всякой надежды в реанимацию, вероятно, в основном для жены, тоже врача, чтобы в дальнейшем сказать, что сделали всё, что могли. Из прочитанного я сделал следующий вывод: где бы мы ни работали и что бы мы ни делали, необходимо всегда быть одетым с иголки, в чистых носках и трусах, и всегда быть, на всякий случай, готовым к смерти. Как труп я себе очень не понравился, что уж говорить о других. Через каких-то восемь дней я из реанимации прибыл домой, что в практике встречается крайне редко. В областную больницу меня не взяли, так как заведующий неврологическим отделением консультировал меня в коме и решительно приговорил в мир иной, а раз я очнулся и стал ходить, то тем более нечего делать в его отделении и занимать койко-место. Практически сразу я был направлен на реабилитацию в неврологический санаторий. В практике такого ещё не было: то ли я так хорошо выздоровел, то ли так плохо отнеслись, как впоследствии шутила жена.

Глава 2

В конце октября я был доставлен братом и женой на реабилитацию в неврологический санаторий с нежным названием «Жемчужина», расположенный в живописном сосновом бору. Уже лежал яркий пушистый белый снег, и санаторий был окутан какой-то природной тайной. Пояснения жены медперсоналу в санатории, а это были привлекательные молодые сестрички, что я плохо вижу и в очках, и без; не могу практически ничего делать правой рукой – ни есть, ни застегнуться, не расстегнуться, не вызвали никакой реакции: мне предложили расписаться в каких-то документах. Я с большим трудом поставил каракули, непонятные даже мне. Ходил я легко и уверенно, а вот делать правой рукой ничего толком не мог, да и в глазах двоилось. Медсёстры выразительно взглянули на жену: то ли хотели успокоить, что, мол, здесь все такие и чтобы она не волновалась, то ли хотели сказать, ну и какого чёрта ты его сюда привезла. Как впоследствии вспоминала жена, она чувствовала себя так, как будто привела в садик маленького ребёнка, который ничего не умеет делать, и оставила его на произвол судьбы. Поселили меня в двухместную палату: здесь был холодильник, телевизор, но пока ещё не было соседа, что меня очень и очень обрадовало. Смотреть телевизор было трудно, читать почти невозможно, поэтому был предоставлен своим мыслям и соблюдению лечебно-реабилитационного режима, весьма насыщенного. С утра, выпив несколько таблеток, а это были мексидол и милдронат, последний гораздо позже стал известен во всем мире как мельдоний, и ещё какой-то ноотроп, шёл завтракать. Затем отправлялся на массаж воротниковой зоны, ел кислородные коктейли, потом в соляную пещеру и на лечебную гимнастику, где усиленно занимался, стремясь во что бы то ни стало восстановить функцию руки и координацию.

Более всего поражало упорство и желание жить окружающих меня более тяжёлых пациентов. Такое стремление к достижению цели и вера в себя да нашему правительству – страна в считанные годы достигла бы невиданного расцвета. А если бы ещё ума, порядочности и профессионализма, то, наверное, и за считанные месяцы.

После этого следовал небольшой отдых, приём лекарств, обед, полуденный сон, затем душ Шарко и прогулки перед ужином по сосновому бору к реке. Шум сосен, хруст белого снега под ногами, стук дятлов и пересвистывание синичек вселяли невероятные силы, возмущали сознание, тревожили мысль, настраивали на философское миропонимание. Вызывали удивление попадающиеся в бору пациенты, обнимающие сосны и просящие мать-землю дать им сил и здоровья. Ну просто как в былине об Илье Муромце.

Находясь по другую сторону своей профессиональной деятельности, оказавшись пациентом, я с нескрываемым восхищением и радостью констатировал: несомненно, величайшим достижением СССР была совершенная система здравоохранения, которая, к сожалению, начала разрушаться. Слегка увлёкся философией: наваял зимний лес и удивительно большое количество дятлов в бору, да и не только в бору...

Вечер в санатории также был удивителен: по вечерам – просмотр фильмов, концерты и дискотеки. Последние особенно поразили меня, оставив в душе самые противоречивые чувства: от непонимания, негодования, раздражения, презрения до удивления и чувства приближения к какой-то ранее неизвестной человеческой тайне, какой-то непонятой движущей силе, дающей желание жить, несмотря ни на что и вопреки всему. Паралитики всех мастей, страдающие ОНМК, ДЦП и другими тяжёлыми неврологическими заболеваниями, ковыляя, влача ноги, шаркая, вихляясь, пытались кружиться в медленных танцах и вальсе. Мне стало тошно: на тот момент я ещё не мог понять, что движет этими изуродованными болезнью людьми. Но стоило хотя бы на миг представить, что их души – не в разбитых болезнью телах, а в здоровых, молодых и красивых, и всё становилось на свои места: человеческая душа не чувствует

себя ущербной, несмотря на проблемы с телом. Она живёт по своим законам, а тело – лишь её вместилище, временный приют.

Постепенно начала восстанавливаться функция правой руки, вернулась способность писать, уменьшилось двоение в глазах. Появился сосед, довольно крупный областной чиновник, который, по моим наблюдениям, больше скрывался от нашего «правосудия», в кавычках. Почему наше правосудие обрамлено кавычками, знает и президент, и правительство, и само правосудие, и народ тоже знает и всегда догадывался. Если нашему правосудию удастся полностью избавиться от кавычек, то наша страна сразу же шагнет на сотни лет вперёд, так как у нашей Фемиды глаза завязаны не для того, чтобы она была беспристрастна, а для того, чтобы не могла видеть правды. А ведь ещё в Библии сказано, что судьи судят от бога и ответственны перед ним, и нет наделов у них на земле.

Отвлёкся из-за нашего честного, умного, неподкупного чиновника. Как-то с этим замечательным человеком мы смотрели фильмы Тарковского, много философствовали, вместе думали, как и что нужно изменить в нашей стране, чтобы сделать её по-настоящему великой и процветающей, попутно поправляя каждый своё подорванное здоровье.

Глава 3

Возвратившись домой из санатория, чувствовал себя значительно лучше: двоение в глазах уменьшилось и появилась возможность читать, восстановление функции руки стало наградой, дав способность кое-что записывать.

Начался период изучения происходящих во мне изменений, период изучения постреляционной болезни изнутри. Хотелось бы заметить, что течение этого процесса великолепнейшим образом описано основателем нашей реаниматологии Неговским, и выздоровление шло точно по сценарию этого, несомненно великого, учёного и основателя новой науки – реаниматологии. Были и нарушения обмена, и снижение иммунитета, и некоторая неврологическая и интеллектуальная нестабильность. Прошло уже около четырёх месяцев с начала моего заболевания, и в воздухе повис вопрос о третьей группе инвалидности и профессиональной пригодности. Данное положение маячило на незначительный период, а хлопот, разъездов по самым различным специалистам и учреждениям обещало много. К тому же здоровья, как у всех обычных людей, у меня не было с детства, именно потому и стал я врачом. Поэтому мысль о временной инвалидности у меня сразу же отпала. И частная клиника, в которой я работал по совместительству, доверила уже в январе выполнить эндоскопическое исследование какому-то довольно высокопоставленному чиновнику. Результат меня порадовал: профессиональных навыков я не только не потерял, но и приобрёл новые, и стал видеть то, чего не видел ранее, и не видели сейчас другие.

Вскоре я отправился на месячные курсы усовершенствования по анестезиологии, реаниматологии. Встретили меня доброжелательно, общение с преподавателями было взаимно интересным, так как со многими мы были знакомы ещё со студенчества.

Во мне вдруг стали открываться новые, ранее отсутствующие способности: удивительная способность абстрагироваться, систематизировать разрозненные факты, легко восстанавливать информацию, полученную ранее, даже в период студенчества, словно я просто открывал книгу в нужном месте. Это, несомненно, вызывало любопытство, коллеги пытались понять, что же произошло и происходит со мной, что я приобрёл и что потерял после клинической смерти. В период учёбы по усовершенствованию меня стали просить посмотреть неясных пациентов, знакомили с историями болезни и просили высказать своё мнение. Я чувствовал, что достиг в избранной профессии новых вершин, и корифеи – основатели российской медицины, ставящие диагнозы, едва взглянув на пациента, уже не казались мне недостижимыми. Усовершенствование проходило необычайно легко, хотя программа обучения была насыщенной. Открывшаяся необычная способность анализировать и выдавать сложные запутанные вещи ясно, доходчиво, логично и просто радовала меня и интересовала коллег. После экзамена уединились с двумя профессорами в кабинете, выпив по рюмке коньяку, закутив, деликатно коснулись того, что со мной произошло, что я чувствовал и видел. Любопытство их мне было понятно: мы все работали на грани жизни и смерти, и это не могло не волновать. Я поведал им свою историю.

– Несомненно, ты видел Хирона, – задумчиво куря сигарету, сказал профессор.

– Ты должен всё описать, подробно описать, – наливая ещё по рюмке коньяка, проговорил второй.

– То, что ты нам рассказал, опровергает некоторые наши представления.

– Ты же чувствуешь и понимаешь, что с тобой произошли весьма необычные вещи и появились необычные способности: выраженное обострение памяти, способность анализировать и синтезировать, абстрагироваться совершенно на новом уровне.

– Мы приезжали тебя консультировать, положение твоё было безнадежно, и ты сильно, очень сильно удивил, заставил многое переоценить и переосмыслить.

Вернувшись домой, решил удовлетворить возникшее любопытство, залез в интернет, набрал слово «смерть» и нашёл статью по теме. Выяснил, что Хирон – полубог, получеловек, отказавшийся от бессмертия после того, как его отец Сатурн, бог времени и сроков, описал ему последствия бессмертия: «Честно вообрази себе, насколько менее терпима и более мучительна для человека была бы вечная жизнь, чем такая, какую я дал. Не имея возможности умереть, ты беспрестанно проклинал бы меня за то, что я лишил тебя смерти. Я намеренно добавил ей немного горечи, чтобы ты, увидев удобства смерти, не ухватился за неё слишком рьяно и преждевременно. Дабы ты остался в среднем состоянии, которое нужно от тебя – не избегающим жизни и не устремляющимся к ней вновь в бегстве от смерти – я смешал в той и другой сладость с горечью».

Глава 4

После повышения квалификации настала моя очередь вести палаты реанимационных больных. И были как всегда больные с тяжёлой патологией, с заболеваниями на грани жизни и смерти, и умирающие. Это комы, травмы, инсульты, онкология, психозы и бог ведь ещё какая патология. Процесс умирания – это тяжелейшее испытание не только для умирающих, но для профессионалов, оказывающих помощь в последние минуты человеческой жизни. В одной из палат оказалось два пациента с психическими нарушениями. У одного была белая горячка ввиду чрезмерного увлечения горячительными напитками, и он видел чертей, пытался ловить крыс, тараканов и общался с потусторонним миром, всё больше с представителями ада. А у другого был послеоперационный психоз после удаления желчного пузыря на фоне перитонита, и он умирал. Был он доктором философских наук и преподавал в одном из гуманитарных вузов, хотя был слух, будто он когда-то стоял на учёте по поводу шизофрении. Его философские рассуждения меня заинтересовали. Я осмотрел его, послушал лёгкие, измерил давление, пощупал живот и задержался, привлечённый его монологом:

– Всё подвластно времени, всё боится времени, всё было создано и будет разрушено временем... Всё находится в вечном движении и постоянном преобразовании... Нет ничего постоянного, кроме времени; время бесконечно, пространство безгранично; время создаёт и разрушает...

– Что вас беспокоит? – прервал я его.

– Ничего, мне уже лучше. Просто рассуждаю о бренности нашей жизни, пытаюсь понять, для чего и зачем создан человек: жутко сознавать мимолётность, предопределённость и предрешённость.

Мне стало интересно мнение доктора философских наук и его откровения.

– Вы верите в бога?

– Нет, я атеист и доктор философских наук, молодой человек. По прошествии некоторого времени каждый человек начинает задумываться над этим, лучшие умы древности – философы и учёные пытались найти ответы на мучающие разум вопросы. Я осмелюсь утверждать, что жизнь так же бесконечна, а душа бессмертна, как пространство и время. Но, чтобы вы не сочли, что я скатываюсь до религиозного толкования, и чтобы не вызвать преждевременно вашего негодования и ярости учёного и атеиста, поясню: бесконечность нашей жизни – в потомках, бессмертие человеческой души – в его творениях. Ну, скажем, в музыке, поэзии, живописи и во всём том, что мы даём нашим детям, есть всегда частичка нашей души, а насколько большая, это зависит только от нас. Заботьтесь о своём бессмертии.

– Интересно и любопытно.

– Врач, умеющий даже просто выслушать, исцеляет, так сказал кто-то из древних эскулапов. А хотите послушать мою теорию разрушения цивилизаций, государств? Если, конечно, располагаете временем и я вас не утомил.

– Время у меня есть, и мне любопытно.

– Ну так вот, вы, вероятно, знаете из истории о последовательном возникновении цивилизаций, ну, скажем, шумерской, вавилонской, ассирийской, древнеегипетской, древнегреческой, древнеримской, ацтеков, инков – и всё превратилось в пыль и историю. Зарождались, достигали расцвета, разрушались. Но всё это очень далеко. А если ближе, скажем, Австрийская империя, Российская империя, а если ещё ближе – СССР, социалистический лагерь. Возможно ли заглянуть в будущее и хотя бы немного понять, что произошло, что происходит и что будет дальше? Есть ли какие-нибудь законы развития общества и прогнозирования его будущего?

– Безусловно. Мы ещё в советский период изучали марксистско-ленинскую философию, которая и выделяла пять формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, социалистическую, как преддверие коммунистической, но быстро рухнувшую. Как говорится, «всё боится времени, а время боится пирамид». Время рушит цивилизации, стирает государства, и Российская империя, и СССР не исключение.

– А вы знаете, рухнет и Евросоюз, и даже США, а причиной тому будет вовсе не Россия или, тем более, наш лидер.

– Вы отрицаете роль личности в истории?

– Нет, конечно, но и не преувеличиваю, просто есть определённые закономерности и законы в развитии общества, ну, скажем, как в физике.

– Интересно, но это метафизика...

– И всё же слегка отвлечёмся на физику: и открытие броуновского движения в 1827 г. английским ботаником Р. Броуном, и первое математическое построение этого движения Эйнштейном. Итак, броуновское движение – это хаотическое беспорядочное движение мельчайших твёрдых частиц, взвешенных в жидкости или газе, доказывающее существование молекул. Чем выше температура, тем интенсивнее движение. Среда не разваливается из-за кинетической устойчивости и прочных связей вещества, но снижается её прочность на растяжение.

Так вот, государства и цивилизации – это среда, а твёрдые хаотически движущиеся частицы – это идеи и знания, за которыми люди, а оболочка – это религия и идеология. А информационные потоки и новые знания – это температура, увеличивающая интенсивность хаотического движения. Стоило религиозной оболочке ослабнуть, рухнула Российская империя, стоило ослабнуть идеологии, рухнул СССР.

Западные страны и США в первую очередь разрушают основы христианства, как, впрочем, и других религий. Именно это и приведёт их к падению, как Содомы и Гоморры.

– Вы знаете, я по-прежнему придерживаюсь взгляда, что религия – опиум для народа. И чрезмерное увлечение религией делает из людей религиозных фанатиков, которые как раз и разрушают мир. И примером тому многочисленные религиозные войны, как прошлого, так и настоящего. Поэтому, несмотря на то, что в вашей теории много интересного, я не во всём с вами согласен.

– Политика США – политика государства, стремящегося взять под полный контроль весь мир. И для сохранения своего политического и экономического лидирующего положения США используют научные достижения в биологии, медицине, психологии, эксплуатируя, стимулируя и извращая общебиологические инстинкты. Воздействуя и манипулируя сознанием через разрушение религий и общечеловеческие угрозы, будь то эпидемии, терроризм или подмена общечеловеческих ценностей, когда чуть ли не самой основной свободой личности провозглашается гомосексуализм. И именно поэтому я считаю, что распад Евросоюза и США уже начался, и это вопрос времени, причём незначительного.

– Весьма любопытно и неоднозначно. А как же Китай, Индия, Япония?

– Китаю много тысяч лет, нет многих цивилизаций, а эта страна в крепкой религиозной оболочке, и броуновское движение ей, как видим, не страшно. То же можно сказать и про иудаизм: иудеи пережили Египет как цивилизация, сохранились как один из древнейших народов мира.

– Вы один из самых интересных моих пациентов, но, к сожалению, мне нужно работать, отдыхайте и набирайтесь сил.

– Молодой человек, после работы заходите ко мне, я не сказал самого главного, я ведь умираю и хорошо это понимаю.

Глава 5

Меня очень волновали и порой даже пугали те изменения, которые происходили со мной после клинической смерти. А именно: изменения в интеллектуальной и эмоциональной сферах, обострение интуиции, появившиеся способности к абстрагированию и предвидению и стремительные перемены во взглядах на человека и общество. Мне открылось совершенно новое понимание человека, его поведения, поступков и чувство, что человек, его поведение, поступки легко предсказуемы, прогнозируемы. Мои видения чуть не погибшего мозга настолько врезались в мою память, что тревожили и постоянно всплывали во всех подробностях, можно сказать, становились навязчивыми.

Вопрос о смерти так или иначе волнует каждого человека и всё человечество с момента его возникновения, ответ же научного сообщества до раздражения и горечи прост: тело будет съедено червями и превратится в прах, пыль Вселенной. Сознание и душа угаснут по команде «game over». Конечно, человечество и каждый человек тешат себя иллюзиями... Согласно греческой мифологии, душа летит в Тартар, царство Аида, взгляда не хватает, чтобы окинуть это царство скорби и печали, где уже нет желаний. Насколько хватает взора – пустынные серые скалы, долины, пропасти и бездны, не знающие света, тихий шелест и стоны увядших душ, словно осенних листьев, мрачные воды реки Леты – реки скорби, печали и забвения. Чёрные воды реки Стикс, которой клянутся сами боги, боясь нарушить свои клятвы; грязная и мутная река Ахеронт, поросшая серым тростником, даже, вернее, тенью тростника; тени плавающих рыб и седой паромщик Харон, гребущий веслом и увозящий души умерших на другой берег. Весело прыгающий трёхголовый пёс Кербер, встречающий весёлым лаем на том берегу и уже никогда не отпускающий души забредших в этот мир. Можно увидеть жестоко наказанного Тантала, вечно мучаемого жаждой, по шею в воде, но только хочет он напиться, как желанная влага уходит; Сизифа, поднимающего в гору свой камень, который вечно срывается у вершины, и всё начинается сначала. Душа умершего предстаёт перед тронном Аида и его жены Прозерпины. У трона справа стоят судьи: Минос, по повелению самого Зевса судящий души в сомнительных случаях; Эак, во власти которого все европейцы, и Радаманф в азиатском костюме – грозный судья азиатов. Орфей играет на лире, не в силах жить без своей Эвридики. Слева бог сна – Гипнос, дарящий вещие, ложные и ужасные сны; его брат, бог смерти Танатос, в чёрном плаще, с крыльями за спиной, навсегда закрывающий глаза смертному. Адская богиня Геката – в виде трёх соединённых женщин, очищенная, по велению Зевса, в мутных водах Ахеронта и наделённая властью на небе, земле и в аду. Чьим-то душам суждено остаться в аду, а чьи-то души будут отправлены в Елисейские Поля, где души безгрешных в вечнозелёных лесах и полях, где воздух чист и прозрачен, резвятся и наслаждаются. Тени умерших лежат под сенью лавровых деревьев, прислушиваются к журчанью прозрачных источников, наслаждаются гармонией, извлекаемой Орфеем; тени воинов, пожертвовавших собой ради отечества; поэты, музыканты, художники, чьи благодеяния и целомудрие оставили о себе память. Мифы и легенды, оставив прах и тело земле, а души отправили в вечное путешествие.

Погружённый в греческую мифологию, я решил в конце рабочего дня зайти в палату к своему умирающему пациенту.

Глава 6

– А, доктор, я так и знал, что вы зайдёте, и вам любопытно узнать, что я думаю о смерти.
– С вами будет всё хорошо, вы поправитесь.
– Да, конечно, медицина достигла высокого уровня, но выслушайте меня и мои мысли.
– С большим удовольствием, тем более смену я сдал и время у меня есть.
– Мировые религии и христианство оставили для души вечность, чтобы смерть не была так скорбна и жизнь человека была бы более осмысленна и менее безрассудна. У меня совершенно нет намерения взорвать ваш мозг религией, но всё же я проведу вас, доктор, по девяти кругам ада, с одной лишь целью показать все те нравственные проблемы, которые мучили и терзали человечество и христианство на протяжении многих тысяч лет, и ту кару, которая может постигнуть каждого.

Позвольте кратко остановиться на семи смертных грехах:

1. Гордыня – сильнейший из семи смертных грехов; грех, приведший к падению приближённого к Богу ангела Люцифера, уверовавшего в то, будто он сам себя создал, и ставшего Сатаной.

2. Зависть.

3. Чревоугодие, или обжорство.

4. Похоть, или сладострастие (прелюбодеяние – супружеская измена, блуд – беспорядочная половая жизнь вне брака, содомский грех, содомия – мужеложество и ряд других половых отношений, осуждаемых церковью).

5. Гнев и лень.

6. Алчность.

7. Уныние – разочарование, недовольство, обида. Уныние – клевета на Бога, будто он немилосерден.

Не обладая поэтическим даром, всё же позволю себе воспроизвести полёт в ад.

*Душа летит в глубины ада,
Где в вечном холоде и мраке
Закован льдами озера Коцит
Томится падавший ангел Люцифер
И судит за измену,
И грязной пастью рвёт на части
Иуду, Кассия и Брута.
И наказание его страшит вдвойне,
Ведь сам наказан за измену.
Умён и некогда красив,
Нам постоянно лезет в души
То хитрым дьяволом, то бесом,
То искусителем, то Сатаной,
То Мефистофелем, а то змейй,
Толкает нас на глупость, безрассудство,
Испытывает нас и ждёт в аду
И каждому
Свой адский круг
Готовит.
А первый круг, иль лимб —
Здесь вечное страдание*

Безмолвной скорбью
За неверие и сомненье без греха.
Второй – за страсть любовную с изменой,
Где крутит души буря ада,
Бросая их на скалы и в ущелья.
А третий круг – гниение с разложением
Под проливным дождём, палящим солнцем —
Удел не знавших в пище меру.
Четвёртый круг – там наказание за жадность,
Сизифов труд, бессмысленный, напрасный
Ему удел.
А пятый круг – Стигийское болото —
Сражение по горло в тине и грязи
За лень, гневливость наказание.
А круг шестой здесь уготован
Лжепророкам и лжеучителям,
А наказание – лежать
Внутри пылающей гробницы.
Седьмой же круг —
Удел убийц и душегубов
Кипеть в крови
И быть разорванным на части
Свирепой стаей псов.
Удел самоубийц, глумленье гарний,
Где самоубийца – дерево
И будет весь изломан, осквернён.
А садомиты маются в безжизненной пустыне,
Страдают все под огненным дождём.
В кругу восьмом бичуют души бесы
В зловонии, закованы в скалу,
И черти жарят всех на сковородке,
И потрошат, бросая всех в кипящую смолу.
Девятый круг – сам Люцифер встречает
И никому измены не прощает,
Хоть сам наказан за неё.
Раскаявшихся ждёт
Чистилища томление
И яркий Рая свет
Таинственно зовёт.
– Ну и как вам, доктор, моя переработка «Божественной Комедии» Данте Алигьери?
– Честно скажу, я восхищён.

Глава 7

Виденное мною в период клинической смерти меня тревожило, беспокоило и требовало объяснений.

Так что же я видел и кого? Кто встретил мою душу и сознание: Хирон? Бог смерти Танатос? Сам дьявол... Люцифер? Или кто-то другой? Или же всё виденное – плод воображения угасающего мозга?

Засел за древнегреческую и древнеримскую мифологию, но ответа всё же не получил. Взял в руки Библию – Книгу книг.

Вперёд в Египет, где правят фараоны, строятся пирамиды! Туда, где преклоняются перед Богом Солнца и царём богов – Амон-Ра, где Анубис – бог царства мёртвых с головою шакала, где Гор – покровитель фараонов с соколиной головой и где Осирис, в чьей власти оживление и воскрешение. Туда, где о себе заявил Единый Бог, повергнув всех прежних и показав всю свою силу и власть через свои знамения и десять казней египетских.

«Бросил жезл Моисей к ногам фараона, как научил и велел ему бог, чтобы показать свою силу и власть, и жезл превратился в змею. Мудрецы и чародеи фараона сделали то же самое, бросили свои жезлы и сделались они змеями, но жезл, брошенный Моисеем, поглотил жезлы волхвов египетских. Сердце фараона только ожесточилось.

На следующий день фараон вышел к реке, а Моисей ударил жезлом по воде, и вода в реке, озёрах и везде, где была, превратилась в кровь, рыба в реке вымерла, река восмердила, и египтяне пить из неё не могли.

Это была первая казнь египетская.

Но волхвы чарами своими сделали то же самое, и не убедила фараона власть бога Моисея, а только пуще ожесточила.

И тогда последовала вторая, третья и четвёртая казни земли египетской. И закишели воды Египта жабами, вышли из рек и озёр и покрыли всю землю, а затем мошки заполонили всю землю, облепили всех людей и скот, а затем земля заполнилась пёсьими мухами и стала погибать земля египетская. Но обманул фараон и снова нарушил обещание.

И обрушились на Египет пятая, шестая и седьмая казни: моровая язва, воспаление с нарывами, град и гром, и много погибло скота и рабов. И взмолился фараон, но стоило прекратиться дождю и граду, как снова передумал.

И наслал бог на землю египетскую восьмую и девятую казни: саранчу в невиданном количестве, сожравшую всё – зелень и плоды, а затем погрузил Египет в тьму кромешную и осызкую, три дня никто ничего не видел и не мог встать с места своего.

И ещё одна, десятая казнь постигла фараона и Египет.

В полночь прошёл Господь посреди Египта.

И умер всякий первенец в земле египетской – от первенца фараона, который сидел на престоле своём, до первенца рабыни при жерновах, и всё первородное из скота.

И вывел Господь народ из Египта, сорок лет водил по пустыне, ведя в землю обетованную, где молоко и мед, и манна небесна. А на пути веру в себя испытывал и непокорных истреблял и карал за непослушание. И заповеди народу своему давал, вот только некоторые:

- Не делай себе кумира...
- Почитай отца твоего и мать твою.
- Не убивай.
- Не прелюбодействуй.
- Не кради.
- Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
- Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего...

А на горе Синай сказал Господь Моисею: «Сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его, и чтобы не пали многие из него.

Кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею.

Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых, когда же будет проходить Слава моя, Я поставлю тебя в расселине скалы и покрою тебя рукою Моей, доколе не пройду.

И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лицо Мое не будет видимо».

И прошёл Господь, и провозгласил: «Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и истинный».

Так всё-таки, кто это был в тёмном плаще с капюшоном, так и не давший взглянуть себе в лицо?.. Зачем был Египет в моих видениях, зачем все эти путешествия показаны мне? И что всё это могло бы значить и как это расшифровать? Наука на современном этапе отвергает существование Бога, впрочем, как и Дьявола.

Глава 8

И каково моё отношение к религии?

Вот моё сугубо личное мнение.

В детстве религия рождает страх, в молодости – атеистов и фанатиков, в зрелости – философов, а в старости даёт успокоение и надежду перед грядущей смертью. Вообще, внезапную смерть, если она уже в солидном возрасте или неотвратима, я считаю подарком свыше, подарком судьбы. А если она неизбежна и растянута во времени, то человек должен знать, что он умирает, чтобы дать последние наставления родным и близким и чтобы принять последние решения... А чтобы смерть не была страшна и чрезмерно мучительна, человек интуитивно обращается к Богу. Есть время для атеизма, но есть время и для Бога.

В силу своей профессиональной деятельности я часто сталкивался с этим последним отрезком человеческого пути. Каждая человеческая смерть заслуживает описания, но расскажу вам о последних часах лишь нескольких.

В хирургическое отделение больницы поступил её заведующий: умирал он от рака лёгких. Операция на лёгких в онкодиспансере, к сожалению, только ускорила процесс, а химиотерапия оказалась совершенно бессильна. Он умирал в отделении, где спас тысячи жизней, берясь за самые, казалось бы, безнадежные случаи, оперируя и спасая даже 90-летних стариков, а теперь сам умирал в возрасте 54 лет без всяких надежд на чудо и иллюзий. Поступил он в моё дежурство, и я взял на себя ответственность поместить его в отдельную боксированную реанимационную палату, предназначенную для инфекционных больных, на одну койку, очень комфортабельную, если так можно выразиться.

Состояние больного было крайне тяжёлым: одышка доходила до 46 дыханий в минуту, и были прямые показания перевода на аппарат искусственной вентиляции лёгких. Но меня терзали сомнения: вправе ли я, по-человечески, лишить в последние минуты жизни человека сознания, переведя на управляемое дыхание и медикаментозно выключить его сознание.

– Я умираю, какая насмешка, умираю от рака лёгких. Какие были планы, как много было надежд – как всё это глупо, и мне ужасно страшно...

Я вспомнил, как после его истинно профессорских обходов больных мы собирались в ординаторской, он закуривал папиросу, выслушивал мнение докторов о тех или иных сложных случаях, обсуждали тактику лечения и необходимые методы исследования для уточнения диагноза.

На все наши замечания, а он очень много курил, шутил:

– Да, это скверная привычка, и может быть даже я умру от рака лёгких. Но сигарета убивает только меня, а это лучше, чем алкоголь. Алкоголь убивает близких тебе людей и делает невыносимой их жизнь. Поэтому я выбрал курение.

И вот теперь он умирал, втайне думая, это его минует.

Глаза его лихорадочно блестели, взгляд был умоляющим и где-то глубоко светилась надежда на чудо...

– Я умираю, мне очень страшно... А можно мне выпить рюмку коньяка?

Коньяк был не проблемой, так как больные нередко благодарили таким образом, вероятно, считая это самым лучшим способом, чтобы выразить свою признательность за заботу и внимание.

Я принёс ему рюмку и плеснул коньяка, он повеселел и, выпив, сказал:

– Когда мне делали операцию, я словно попал куда-то в другой мир и помню после наркоза большие карие глаза, удивительные глаза, глаза какой-то необычайно красивой женщины, какой-то инопланетянки. Они меня заморозили, манят... Но ведь это только наркотный сон, я боюсь смерти и не хочу умирать... Я ведь умираю..?

Он чего-то ждал от меня в эти трагические для него минуты, это была исповедь умирающего человека, полная надежд. Несколько лет назад он был свидетелем моего воскрешения и потому по-детски ждал от меня чуда...

– Я совершенно точно знаю, умирает лишь наше тело, а наши души ждут невероятные приключения, и они всегда будут рядом с теми, кого любили мы, и рядом с теми, кто любил нас... Ты всегда будешь рядом с ними, будешь их ангелом-хранителем и будешь защищать их в этой жизни...

– Спасибо... я тебе верю... мне стало легче... и спокойнее...

Через три дня он умер и в чёрном мраморе встал в полный рост на кладбище, со своим бессменным медицинским колпаком на голове, гордо и спокойно взирая на своё новое отделение, или царство – как хотите...

Ещё одна смерть оставила особое и неясное впечатление. Это смерть моей матери. Болела она тяжело. В редкие моменты просветления, казалось, она нас узнавала. Но даже подойдя к зеркалу, она воспринимала себя значительно моложе и не верила нам:

– Нет, это какая-то старая женщина, ты меня обманываешь, мне всего лишь только сорок лет...

И тут же начинала говорить:

– Я так хочу умереть, но не могу, сделай что-нибудь, помоги мне... Я хочу к своей маме и папе, к своим родственникам, они меня очень ждут и я хочу к ним.

То вдруг, обращаясь куда-то, просила:

– Мама, папа заберите меня к себе, я больше не могу быть здесь.

В последние десять лет жизни из учителя русского и литературы она превратилась в набожного человека. На полках среди книг Пушкина, Толстого, Достоевского и писателей советского периода появились религиозные книги.

– Скажи, умирать тяжело? Я очень боюсь... А меня простят к моим родным, маме и папе..? Я по молодости совершила очень много ошибок и теперь боюсь... А вдруг мне не простят..?

Зная, о чём речь, я тихо, но твёрдо сказал:

– Мама, бог милостив и милосерден... Ты так много в этой жизни делала для других, жертвовала собой ради своих детей и учеников, воспитывая и наставляя их в жизни, что то небольшое, что тебя гнетёт, без сомнения, будет тебе прощено, ведь ты говоришь сейчас о Боге.

– Скажи мне, как получилось так, что у нас такая большая семья, а я живу одна... И мои дети, которым я всю себя отдала, так редко ко мне приходят, я сейчас не имею в виду тебя... мне очень горько и обидно... почему всё так и чего я не сделала для вас..? Почему в этой жизни всё так...

Через короткое время она умерла. В последние дни её часто видели стоящей у окна: всё ждала, ждала до самой последней минуты, кого-то так сильно хотела видеть, но умерла не дождавшись...

Часть третья. Дуновение ушедшего времени

Глава 1

Смерть матери глубоко потрясла меня.

Сегодня практически не спал, возможно, это как-то связано с лунным затмением. Ночь необычайно тёмная, и только холодные звёзды тускло мерцают. Вместо сна – состояние возбуждения и воспоминания из раннего детства. Сознание бродит и роется в закоулках памяти, мозг пытается осмыслить пройденный путь: могла ли жизнь сложиться иначе...

Помню себя с двух лет, когда задыхающегося мать ночью подносила к форточке, чтобы мог вдохнуть свежего воздуха, а затем, прижав к груди, на руках выносила на улицу. Над головою звёздное, безграничное, бездонное небо. Это завораживало и успокаивало, дышать становилось легче. Мелькают обрывками воспоминания: бабушка, несущая меня в курятник, что-то колдующая и шепчущая, обращающаяся к каким-то ей одной ведомым силам. Старая белая хата с соломенной крышей, двумя комнатками и глиняными полами, большая русская печь с лежанкой, на которой мы ночи напролёт о чём-то шептались... Помню новый дом, отстроенный родителями. Большой, кирпичный, с крыльцом, верандой, спальней, детской комнатой и залом, прихожей и кухней. Первый чёрно-белый телевизор, у которого собирались соседи и родственники. За бабушкиной хатой и нашим домом простирался большой огород с садом, там были яблони, деревья вишни и черешни. Перед бабушкиной хатой росла большая груша, а у нас в большом палисаднике благоухали ароматами цветы. Огород спускался до реки, поросшей камышом. По утрам отец ходил на речку и приносил щук, угрей и карасей.

Появление младших братьев было для меня чудом...

Мы с двоюродным братом ходили на речку смотреть, не принесёт ли льдина брата или сестру. Но никого не было. Двоюродный брат, старше меня на пять лет, говорил бабке, что плывут только одни девчонки, а он хочет мальчишку.

А я ничего не видел... Впрочем, одного брата нашли в капусте, а второго всё-таки принесла льдина во время весеннего половодья и ледохода, а я не видел, хотя было уже пять лет...

Но вскоре соседский мальчишка, он был старше и уже учился в школе, детально посвятил меня в процесс создания и рождения детей.

Я был поражён и огорчён. Он меня успокоил: «Так делают всех детей».

Возбуждённый, я поделился с матерью новыми знаниями.

Соседского мальчишку выпороли, а я чувствовал себя перед ним виноватым.

Подначиваемый старшими двоюродными братьями, приехавшими погостить в деревню, увёл соседскую девочку на лужайку за рекой, а вернувшись, торжественно объявил, что у нас будут дети и я решил жениться, что вызвало дикий хохот старших. Мне очень долго разъясняли, что я должен вырасти, выучиться, а пока моя свадьба невозможна...

Как-то ещё до школы нашёл в шкафу у отца презервативы, бабушка объявила их лекарством: «У папы болят уши, и он ими лечится».

Заявление бабушки воспринял со скепсисом и недоверием, про себя подумал, что бабушка совершенно не разбирается в этом вопросе, потому что она уже старая.

Вскоре я узнал, что такое смерть.

В память врезался гроб, обитый тёмной тканью, стоящий в центре комнаты на двух стульях, в котором покоилась прабабушка. Лицо бледно-восковое, спокойное, черты заострены, казалось, что она просто спит и её можно разбудить. Вокруг приглушёнными голосами о чём-то разговаривают старушки в чёрном и периодически голосят. Горят свечи, комната затемнена, занавешены зеркала, и только с иконы в углу комнаты таинственно взирает святой, которому

она молилась. Вдруг, как будто от дуновения, шелохнулась занавеска на окне, погасла свеча, старушки заговорили что-то о душе, по коже пронёсся мороз и стало страшно: вглядываюсь, не задышала ли?

На кладбище крышку гроба заколачивают гвоздями, думаю: «А может, она слышит?» Гроб опускают в могилу, вместе со всеми бросаю три горстки земли. Так впервые понял, что старые люди умирают. Пытался выяснить, что будет дальше с ней, был удовлетворён тем, что её душа будет жить на небе, тело покоится в земле и слова «царствие небесное», «пусть земля будет пухом» были тому подтверждением. На некоторое время в сознании засела мысль о смерти, но не о своей – о смерти матери. Было страшно, а вдруг она умрёт. Часто ночами плакал.

К семи годам я уже покуривал сигареты «Лайка» в тальнике за речкой с друзьями, и мы все вместе мечтали стать космонавтами, чтобы улететь далеко-далеко, в эту голубую высь...

От курения меня быстро отучили: накануне первого сентября, учуяв запах табака, мать меня выпорола и не пустила в первый класс, а отец, доставая папиросы «Беломор», стал приглашать меня: «Сынок, пойдём покурим вместе».

Курить я бросил без всякого сожаления и надолго...

Азы науки и букварь давались очень тяжело, особенно слоги, несмотря на то, что мать была учителем. Получалось что-то невообразимое, и это преодолевалось с большим трудом. В память навсегда врезалось: «Мы не рабы, рабы не мы». До четвёртого класса учёба совершенно не интересовала меня, а ассоциировалась с наказанием. Занимали совершенно другие дела. Мы с друзьями всё свободное время посвящали играм в войну: делали сабли, луки со стрелами, выпиливали автоматы и играли то в индейцев, то в казаков-разбойников, то в белых и красных, то в немцев и русских. Стреляли из рогаток, делали самопалы. Сплющивали, а затем заливали свинцом медные трубки, которые доставали старшие ребята. Из досок выпиливали рукоятки с цевьём, прикручивали трубки вместо дула, делали пропил для поджига.

Порох делали из селитры, древесного угля, добавляли алюминиевую пыль и серу со спичечных головок. Много нужно спичек. Полученный порох хорошо горит, а если завернуть в фольгу и стукнуть, то громко взрывается; добавляли для эффекта и марганец... Самодельный порох засыпали в дуло в небольшом количестве. Сверху помещали немного дробы из охотничьих патронов. Более взрослые мальчишки делились этим добром, а вот настоящий порох – такие любопытные серые кристаллики, вспыхивающие от огня – давали только очень «взрослым».

Вся ватага отправлялась стрелять воробьёв и ворон в балки, овраги, заросшие деревьями и кустарником...

Нередко бывало, что ствол разрывало от выстрела, и раскуроченные стволы самопалов и обожжённые, чёрные от пороха пальцы кистей рук были не редкостью...

Как всегда, детские забавы или незабавы зачастую скрыты от взрослых, занятых житейскими проблемами.

Вообще, в период детства тема войны и оружия занимала одно из самых значимых мест. Учитывая, что там, где мы жили, шли ожесточённые бои, всё своё свободное время мы проводили в поисках и раскопках оружия. И эти поиски были часто успешными. Находили ржавые автоматы, мины, патроны, гранаты, пистолеты; рыскали по ещё сохранившимся кое-где дотам и другим местам боёв. И даже обнаружили сбитый в 1943 г. советский истребитель, пролежавший в сохранном виде в одном из оврагов вместе с истлевшим лётчиком. Тело лётчика было торжественно погребено, поставлен памятник, оружие, найденное нами, конфисковано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.